

От переводчика

Кристиана Барош (р. 1935) — французская писательница, автор романов, рассказов и новелл, биолог по профессии. После научной карьеры в Институте Кюри (Париж) она начала свою писательскую деятельность. Что подвигло ее написать продолжение знаменитого романа XVIII века Шодерло де Лакло «Опасные связи»? Барош сама разъясняет причину в послесловии к этой книге. «Зима красоты» — блестящее, захватывающее и в то же время глубокое и психологически точное произведение, вполне достойное своего благородного «предка». Но если маркиза де Мертей — героиня Лакло — светская красавица, коварная злодейка, которая губит окружающих ее мужчин и женщин, то у Барош она — всеми отвергнутая, утратившая прежний облик, — вступает в печальную «зиму красоты». Однако не сдаётся, отважно борется с жестокой судьбой и — побеждает. А праправнучка маркизы, наша современница, рассказывает нам и ее историю и свою собственную.

Ирина Волевич

*Посвящается Поль Констан,
моей земной подруге,
и Жерару*

Прошлое и грядущее,
Словно пара псов-близнецов,
Рыщут вокруг нас.

*Ж. Сюпервьель,
«Гравитации»*

«Судьба госпожи де Мертей
свершилась наконец, и свершилась так,
что и злейшие враги маркизы колеблются
между презрением, коего она заслуживает,
и жалостью, которую внушает.

Я не напрасно говорила, что для нее,
вероятно, было бы счастьем умереть
от оспы. Она все же оправилась от болезни,
но та беспощадно обезобразила ее,
а главное, лишила одного глаза.

Как вы понимаете, сама я не видела ее,
но мне передали, что она стала
настоящим уродом.

Маркиз де..., никогда не упускающий
случая позлословить, вчера в разговоре
о ней, выразился так: «Эта болезнь
вывернула ее наизнанку, и нынче
душа маркизы запечатлена
у нее на лице». К сожалению, все сочли
эту фразу остроумною...

...Едва маркиза узнала о том, что она
проиграла судебный процесс, как тут же,
хоть и не оправившись вполне
от болезни, собралась и уехала — ночью,
совершенно одна, в почтовой карете.

Слуги ее рассказывают, что никто из них не пожелал сопровождать ее. Полагают, она направилась в Голландию. Отъезд маркизы наделал еще больше переполоху, нежели все остальное, ибо она увезла с собою бриллианты, стоящие целое состояние, столовое серебро, драгоценности — словом, все, что смогла...»

*Шодерло де Лакло.
«Опасные связи»**

* Отрывок из письма № 175, завершающего роман. Текст письма несколько изменен К. Барош. (*Здесь и далее прим. переводчика*).

Когда они увидели меня — после, — они сказали: «Божья кара опалила ее, точно адское пламя. Перед этим даже смерть не страшна, оставим ее в покое...»

Жар долго и цепко держал меня в плену беспомощности; теперь же я слышала, как они где-то там, поодаль, в полутьме, с высоты своего презрения, защищенного курениями и покрывалами, оценивали неведомой мне монетой ту малую толику жизни, что еще теплилась в моем теле. Их взгляды не выражали ни жалости, ни даже страха; приглушенно говорилось о моей беде и о той необходимой осторожности, что удерживала их подойти поближе, дабы вернее измерить всю тяжесть моего несчастья.

Служанки, укутанные в простыни, запереленные до кончиков пальцев, до самых глаз в мертвенно-белое полотно, не достаивали

меня даже взглядом. Я вырвалась из жгучего мрака лихорадки, в которой корчилась долгими, нескончаемыми днями, лишь затем, чтобы теперь стынуть от холодного безразличия прислуги, к которому ничто меня не подготовило.

Сперва я подумала: «я уже мертва»; затем, немного придя в себя, поняла: «кажется, я жива, но ровно настолько, чтобы понимать, что еще жива». А потом, в одно прекрасное утро, я очнулась одна-одинешенька в пустом доме, глухом к моим призывам о помощи.

Конечно, в ту минуту я и думать забыла о зеркалах, у меня нашлись дела поважнее. Я сгребла в кучу драгоценности, бриллианты, золото и кое-какие тряпки. Закутавшись в грубый плащ (служанки накидывали его, бегая по моим поручениям), я выскользнула на спящие улицы. Я прятала лицо, но никому и не было до меня дела.

Я остановила наемный экипаж.

То, что я увидела в глазах кучера, не насторожило меня; я пока не научилась распознавать ужас, мною внушаемый.

Я просто подумала: «Он знает, кто я такая, и осуждает меня; мне и в голову не пришло, что все, до нас касающееся, никогда не

выходило и не выйдет за пределы тесного круга, в котором вращались я и мне подобные.

Теперь-то я понимаю: отвращение возмущает сердца одинаково повсюду, сверху до низу социальной лестницы. Наблюдать за другими свысока, как следят за схваткою насекомых, — плохой способ постигать законы этого мира.

Наемные кареты сменялись дилижансами, ночи на постоялых дворах — днями на разбитых дорогах Севера, и мало-помалу я начала подозревать, что на моем лице лежит неведомая мне печать избранницы ада. Но для меня было куда важнее добраться до далекой моей гавани, нежели гадать, в каком состоянии я достигну ее.

И вот, наконец, я узнала.

В Роттердаме, в доме моей сестры. Служанки побелели и разинули рты, потом поспешно скрылись, оставив меня на пороге. Я уже довольно укрепилась в своих предчувствиях, чтобы расценить это как простое удивление.

Моя сестра, так же, как они, отшатнулась от меня; судорожно отмахиваясь, она закричала: «Не прикасайся ко мне, Изабель, ради Бога, только не прикасайся ко мне!»